

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
П21

Nicki Pau Preto
CROWN OF FEATHERS

*Печатается с разрешения литературных агентств
Hodgman Literary и Andrew Nurnberg.*

Серийное оформление *Екатерины Климовой*

Перевод с английского *Нияза Абдуллина*

Пау Прето, Ники.

П21 Корона из перьев: [роман] / Н. Пау Прето; пер.
с англ. Н. Абдуллина — Москва: Издательство АСТ,
2019. — 576 с. — (Магия ворона).

ISBN 978-5-17-115191-1

Два века Золотая империя процветала, но ее нутро точила гниль: обделенные магическим даром жители всегда смотрели косо на анимагов, Укротителей фениксов. Наездники были мощью и славой империи, однако предательство королевы-регента и последовавшие войны привели к исчезновению их ордена.

Минуло шестнадцать лет с последнего сражения Войны крови. Две сестры, кроткая Вероника и деспотичная Вал, борются за выживание в империи, где каждый маг должен встать на учет и платить непомерную подать. Тех, кто утаил доход, ждет повинность — рабская служба не-магам. Последняя надежда сестер, да и всех анимагов — возродить орден наездников...

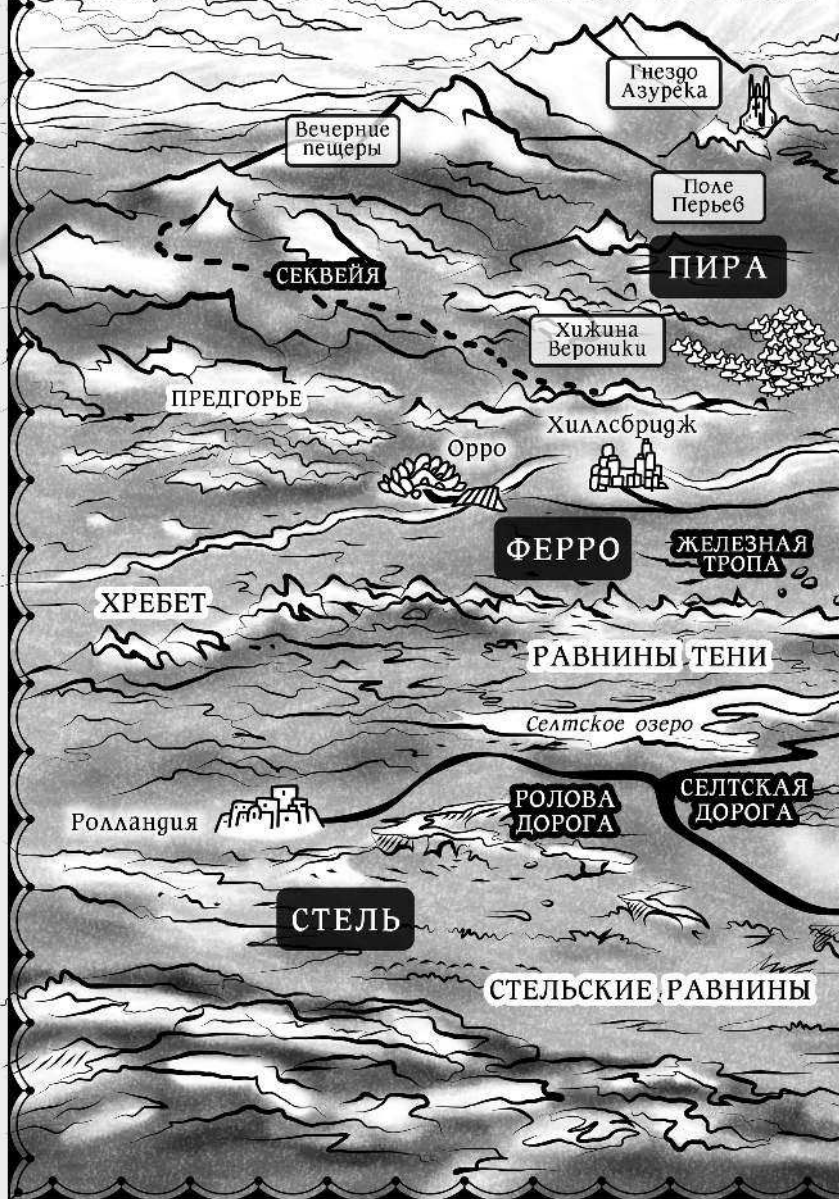
УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Text copyright © 2019 by Nicki Pau Preto
Jacket Illustration copyright © 2019 by Kekai Kotaki
© Н. Абдуллин, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-115191-1

*Моей матери,
рыжеволосой королеве-воительнице,
научившей меня не только летать,
но и сражаться.*

ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ

Как поступили великие воины,
когда солнце рухнуло с неба?

Они оседлали его дикое пламя
и полетели.

Древняя пирейская пословица

*Когда-то у меня была сестра. Знай я тогда то,
что мне известно сейчас, ни за что бы не полюбила ее.
Но выбираем ли мы, кого любить?*

ГЛАВА 1

ВЕРОНИКА

Вероника собирала кости.

Обугленные кости оленя, зажаренного на вертеле; ломкие и сухие, как пла́вник, вываренные ребрышки. В гнилом салате и картофельных очистках Вероника откопала крохотные и острые, как кинжалы, рыбы косточки, а еще птичьи — полые и хрупкие.

Сидевший у Вероники на плече маленький филин с отвращением ухнул. Вероника тихо шикнула на него и, сложив птичьи кости в корзину, встала.

Было поздно, и вечерняя прохлада обещала ночную стужу. На деревенских улицах было пусто и тихо — никто не видел, как одинокая девочка роется в помойных кучах. Облака отливали серо-стальным, скрывая полную луну, — в такой темени ничего не разглядеть, потому-то Вероника и призвала в поводыри филина. Он зорко видел в ночном мраке и, проникая в разум девочки, подсказывал, где переступить через камушки и булыжники, а где — пригнуться под низко нависшими ветками. Правда, впопыхах Вероника все

равно спотыкалась: Вал велела спешить, а заставлять ее ждать — себе дороже.

От возбуждения, подгоняемая сильным страхом: а вдруг сегодня та самая ночь? — кровь быстрее бежала по жилам.

Выдыхая облачка пара, Вероника возвращалась к хижине, где жила вместе с Вал. Домик был небольшой и стоял заброшенным, когда девочки на него набрали: ярко-синяя краска на двери облупилась, сломанные ставни повисли; должно быть, в теплое время года он служил пристанищем для охотников, а в дождливую зиму пустовал. С каждым днем погода становилась суше и теплее, так что вскоре, наверное, придется искать новый дом.

При виде хижины у Вероники внутри все сжалось. Когда она уходила, из трубы столбом валил дым, а сейчас от него остались прозрачные лоскутки. Значит, время на исходе.

Подбежав к порогу и настезь распахнув хлипкую дверь, Вероника ворвалась в единственную комнату. Внутри было очень темно, если не считать рыжих проблесков в тлеющих углях. Стоял удушливый запах дыма, на языке ощущался вкус пепла.

Вал стояла посреди комнаты у круглого очага. Резко обернувшись, она нетерпеливохватила у сестры корзинку и уставилась на содержимое.

Презрительно фыркнула:

— Все, на что ты способна... — сказала она, отшвырнув корзинку в сторону. Половина косточек рассыпалась по утоптанному земляному полу.

— Сама велела спешить, — напомнила Вероника, заглядывая в очаг: огонь под слоем свежего топлива горел жарко. И подпитывали его не вываренные или

обугленные косточки животных, а крупные и белые кости.

На вид человеческие.

Проследив за взглядом сестры, Вал ответила на незаданный вопрос:

— Ты все равно задержалась, мне пришлось самой искать.

Несмотря на жар в комнате, по спине Вероники пробежал холодок. Она плотнее запахнулась в шерстяной платок, и филин-проводник, о котором она совершенно забыла, взъерошил перья.

Сестра заметила движение под покровом, и Вероника замерла, чувствуя, как в тревожном ожидании покалывает каждый мускул в теле. Разозлится ли сестра, как обычно, или позволит птице остаться?

Филин под взглядом Вал нервно переступал с лапки на лапку. Вероника попыталась успокоить его, хотя сама не могла унять тревогу. Миг — и, вскользь оцарапав плечо Веронике, филин бесшумно вылетел в распахнутую дверь.

Вероника закрыла дверь, не смея обернуться, страшась грядущей ссоры. Обе сестры были анимагами — общались с животными, — но смотрели на дар совершенно по-разному. Для Вал животные — инструменты, с которыми и обращаться надлежит соответственно: понукать, заставлять, ставить ниже себя.

Вероника, напротив, видела в них равных.

— Любовь к ним ослабляет, — предупредила Вал, сидя на корточках у очага, спиной к Веронике. Она добавила в набирающий силу огонь несколько мелких собранных сестрой косточек: аккуратно уложила их вокруг пары серых, в разводах копоты яиц. Яйца покоились в ложе раскаленных углей вперемешку с костями и пеплом. Пламя лизало их гладкие бока.

Лица Вал Вероника не видела, но знала, что в глазах сестры горит блеск воодушевления. Вероника медленно и раздраженно вздохнула. Сколько можно об этом?..

— Для наездников птицы не были питомцами, с которыми надо сюсюкаться. Фениксэры были воинами, и с птицами их связывала не любовь, а долг. Честь.

Фениксэры. Всякий раз, как Вал упоминала наездников, анимагов, связанных с фениксами, в сердце Вероники вспыхивал огонь возбуждения. С древнепирейского слово «фениксэры» буквально переводилось как «повелители фениксов», о чем Вал не уставала напоминать. Наездниками становились только анимаги, потому что лишь с помощью магии можно помочь легендарной птице вылупиться, а потом разговаривать с ней и летать.

Вероника лишь о том и мечтала, чтобы стать наездницей. Как королевы-воины древности. Рассекать небеса верхом на фениксе, быть свирепой и отважной, как Лира Защитница или Авалькира Эшфайр, увенчанная тиарой из перьев.

Однако последние наездники парили в небе Золотой империи больше шестнадцати лет назад. Почти все сгнули в Войне крови, когда Авалькиру и ее сестру Феронию стравили в борьбе за трон. Выживших заклеили предателями — за ними охотились, ловили и казнили. Больше нельзя было творить анимагию без учета и неподъемной пошрины. Анимагам вроде Вероники и Вал приходилось жить в грязи и таиться, скрывая дар, из постоянного страха, что их поймают и отправят на подневольную службу.

В дни славы наездники были элитными гвардейцами, и для Вероники в детстве одна мысль о них служила маяком надежды. Бабушка обещала, что од-

нажды наездники вернутся и анимагам станет нечего бояться. А когда бабушка умерла, Вероника поклялась сама стать наездницей. Она хотела стать светочем для бедных, одиноких, вынужденных скрываться анимагов. Обрести силу и средства защищать таких же, как она и Вал, в бою. Силу, без которой она не сумела защитить бабушку.

Может, наездников как воинского ордена и не стало, но если хочешь стать фениксэрой, нужны всего лишь две вещи: дар анимагии и феникс.

Вероника обошла Вал и присела у очага. Яйцо феникса уместилось бы в сложенных ладонях, а видом и цветом оно до того напоминало камень, что ничего не стоило его проглядеть. Такой у него защитный механизм, объясняла Вал, чтобы птица могла отложить яйца в тайном месте и оставить на долгое время, пока не вернется сама — или пока его не отыщет анимаг, чтобы помочь птенцу вылупиться. Часто сами наездники устраивали схроны с яйцами внутри статуй или в священных местах, однако многие такие тайники империя разорила еще в войну.

Годами Вероника и Вал искали яйца: обшаривали каждый обветшалый храм, каждую брошенную заставу наездников или забытое строение, какие только встречались. За еду покупали сведения, сбывали караванщикам краденые ценности, а порой Вал расплачивалась подальше от глаз сестры. После смерти бабушки Вал твердо вознамерилась убраться с Вероникой подальше из Аура-Новы, столицы империи, уйти в Пиру, вот только далось это нелегко. Сразу после войны выезды из империи плотно стерегли, ведь многие союзники Авалькиры бежали от преследования в Пиру. Да и после, страшась рабства и бедности из-за налога

на магию, многие пытались выбраться следом. Некогда Пира была провинцией, но под предводительством Авалькиры Эшфайр отделилась. С гибелью коронованной перьями королевы она превратилась в опасное место, где не властен закон империи. И все же для анимагов там было спокойнее.

Без нужных бумаг нечего было и думать о том, чтобы пересечь границу. К тому же Вероника с Вал — анимаги, если бы их дар раскрыли, то запрягли бы в ярмо. Вот и приходилось мотаться в пределах империи: Вал была главной, а Вероника следовал за ней. Спали в канавах, на крышах, под открытым небом — в дождь и в зной. Вал то и дело куда-то пропадала, порой на несколько дней, а возвращалась в крови и с кошельком денег в руках.

Наконец тяжкие дни завершились: девочкам удалось уговорить одного купца за мзду, чтобы провез их контрабандой с караваном в Пире, на родину родителей. Вероника знала, что когда-нибудь судьба их изменится, и вот спустя несколько долгих месяцев ожидания оправдались. В обветшалом храме, глубоко в лесах Пире Вал отыскала два идеально сохранившихся яйца феникса. По одному на каждую из сестер.

От одной мысли об этом у Вероники защипало в глазах, навернулись слезы. Она с трудом сдерживала чувства. Всякий раз, стоило Веронике подумать о том, чем они занимаются, и позволить себе восторженную улыбку, как Вал неизменно осаждала ее, холодно напоминая о правде: не всегда из яиц вылупляются фениксы. Не всегда феникс внутри соглашается на узы, а то и вовсе умирает еще до рождения.

Даже сейчас Вал, глядя на яйца в очаге, не улыбалась, не радовалась. Они будто и не вызревали вовсе, а лежали на погребальном костре.

В огне стрельнула кость, и в воздух взметнулось облачко пепла. Вероника, чтобы не вдохнуть прах мертвеца, задержала дыхание и очертила круг на лбу.

— Прекрати, — одернула сестру Вал, схватив за руку. Ее прекрасное и жестокое лицо напоминало маску: темная кожа в красных и рыжих отсветах пламени, перемежаемых тенями. — Нельзя все применять Глаз Аксуры. Это для крестьян и рыбаков. Ты выше этих глупостей.

Вал в богов особо не верила, но Аксура особенно почиталась у пирейцев — и укротителей фениксов, — и сестра обычно позволяла Веронике молиться ей, возносить благодарности. Хотя при виде мелких суеверных жестов задирала нос и делала вид, будто они с Вероникой выше селян и рабочих, среди которых и прожили всю жизнь. С детства у сестер не было приличного дома, они ютились в трущобах Теснины, беднейшего района Аура-Новы. И вот они сидят на корточках в чужом доме. Ну, и кто они, если не нищие?

— Ты поела? — решила сменить тему Вероника. На лице Вал снова застыло фанатичное выражение. Под глазами набухли мешки. Ей было всего семнадцать, но измождение делало ее старше. Вероника тихонько отодвинулась от очага и порылась в ящиках с припасами, которых оставалось уже совсем мало.

— Перекусила соленой рыбой, — ответила Вал знакомым отстраненным тоном. Она всегда говорила так, когда слишком долго смотрела в огонь.

— Вал, рыба закончилась два дня назад.

Сестра в ответ повела плечом, и Вероника вздохнула. С тех пор, как нашлись яйца, Вал не ела. Умная и изворотливая, она частенько забывала, что в жизни есть и простые дела. Готовить еду, чинить одежду,